

Евгений
Касьяненко

ОСОБАЯ ЗОНА

Евгений Касьяненко

Особая зона

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9368558

Особая зона / Евгений Касьяненко: Книжкин Дом; Москва; 2015

Аннотация

На речном острове построен технополис. Его работники решили организовать свою жизнь в поселке совершенно новому.

Это третья повесть ростовского автора Евгения Касьяненко, опубликованная в Литресе.

Содержание

1	4
2	15
3	20
4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгений Касьяненко

Особая зона

Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодьями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д., а богатство – надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми – потому что у них есть все, бедными – потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им.
Томмазо Кампанелла «Город Солнца»

1

Первый этап моего путешествия благополучно заканчивался. После очередной излучины, показался ровный и спокойный участок реки длиной не менее километра. Я бросил весла, позволив лодке самостоятельно плыть по течению, и вытащил из куртки свой смартфон. Непосредственно как телефон, он был весьма непрактичной вещью, занимая весь внутренний карман. В городе я им не пользовался. Но боль-

шой шестидюймовый экран позволял смартфону быть и читалкой, и компьютером, и навигатором в походных условиях.

Где-то здесь меня должны ждать. Я включил навигатор, проверяя на всякий случай координаты. Все совпало. И, однако...

К моему удивлению, в оговоренной заранее точке встречи стоял большой катер. «Адмиральский», как принято называть подобные быстроходные посудины. С крутыми обводами, позволяющими ходить ему и по морю в непогоду, с мощным двигателем и стальным корпусом, но все палубные надстройки и сама палуба изящно отделаны лакированной деревянной рейкой. На таких катерах обычно разъезжает высокое портовое начальство.

«Вот сукин сын! – возмутился я коварством своего давнишнего приятеля. – Обещал, что мы проведем вдвоём на реке неделю на большой рыбалке, а, кажется, замыслил рядовую пьянку. Ох, уж эти москвичи! Ну и что с того, если эти местные тузы с катера завалят нас рыбой из какого-нибудь соседнего кооператива? Разве мы за рыбой сюда собирались? Собирались отдохнуть в тишине, полюбоваться на вечернее золото реки, вспомнить старые времена, сидя у костра. А, выходит, обычная пьянка в шумной кампании? Ну, я ему покажу!»

Я резко развернул лодку, табаня обоими веслами, и воткнулся в песчаный берег, рядом с катером.

– Николай! – крикнул я. – Выходи! Выходи, подлый трус!

Единственный человек на палубе катера, стоящий с удочкой на корме, махнул мне рукой.

– Вы – Смирнов? – громко спросил он. Заходящее солнце находилось за его спиной, так что лица говорящего я сразу не разглядел.

– Смирнов. Но какого чер... – ругательство вдруг застряло у меня в горле.

О, господи... Это было невероятно... По трапу, упирающемуся в берег, я быстро поднялся на палубу.

Человек жестом поманил меня к себе, улыбаясь, протянул руку, но, естественно, не стал представляться.

Потом снова озабоченно посмотрел на поплавок и по-заговорщицки поднес указательный палец ко рту, мол, тише. Рыба несколько раз попыталась утащить поплавок на дно, но безуспешно. И лишь когда ей это удалось, он взмахнул удочкой и ловко вытащил из реки подлещика с ладонь величинной.

– Ну, слава Богу, почин мы сделали. Теперь можно и поговорить. Только не удивляйтесь. Это я вас сюда вытащил, уж извините великодушно за маленький розыгрыш. Но, наверное, прогуляться по летней реке десяток километров вниз по течению вам было только в охотку. Погода хорошая.

– Хорошая. А Николай где? – чувствуя себя полным идиотом, спросил я.

О чем я говорю?! Сдался мне этот Николай, когда беседуешь – вот так, накоротке – с... президентом!

– Николай? – засмеялся он с хорошо знакомыми интонациями в голосе. – Наверное, дома сидит, пьёт пиво у телевизора. Сегодня ответственный матч с итальянцами. Может быть, и нам стоит одним глазком взглянуть в каюте – каков счёт?

Точно, театр абсурда.

Но тут же мой фантастический визави опять замер, прошептал:

– Похоже, вечерняя зорька уже началась, снова клюет. Знаете что? Сходите, будьте добры, в каюту, пусть ребята вынесут телик на палубу. Только сделают звук потише, и сами не шумят, а то всю рыбу распугают.

Возвращаясь из роскошной каюты на палубу с двумя молодыми людьми и портативным телевизором, я украдкой прошептал:

– Слышь, мужики, а это не двойник?

– Не, самый настоящий, – ослабился один, – а вы у него паспорт попросите показать или удостоверение президента.

Я понял, что он так шутит.

Счет в матче, несмотря на то, что игра шла лишь полчаса, был уже разгромный для нас – 0:2. Президент что-то хмыкнул про себя и ловил рыбу ещё минут пять. Потом, с видимой досадой отдал удочку одному из свиты.

– Пойдёмте на нос, надо переговорить, через час темнеть начнёт, а вам ещё надо километра три вглубь острова пройти. Вы знаете, что там находится? – он махнул рукой в сто-

рону берега.

Я пожал плечами:

– Военный объект.

– А какой?

– Ну, это же секрет Полишинеля, – улыбнулся я. – В этих краях еще десятилетия назад приходилось рыбачить. И в советское время все рыбаки доподлинно знали, что в глубине острова есть станция слежения за спутниками, а чтобы как-то замаскировать объект и ограничить свободный доступ к нему, на острове устроили охотничье хозяйство для военных. Однако егеря разрешают рыбачить и ставить на берегу палатки всем желающим, лишь бы в лес далеко не углублялись. – Я снова ухмыльнулся. – Только что здесь делать президенту? Таких объектов по стране десятки, а, может быть, и сотни. Просто порыбачить и поохотиться приехали, товарищ президент?

– Нет. Хотел увидеть объект своими глазами. Увидел. Останусь здесь на берегу порыбачить до утра. Только на острове совсем не то, о чем вы слышали. С недавнего времени не то. Хотя и станция слежения по-прежнему существует. Рядом. Но и объект совсем другого рода.

– Какой же?

– Скоро сами увидите. Об особых экономических зонах слышали?

– Слышал. Но... Это же остров, небольшой остров. Вернее, большой остров для реки, но крохотный для страны.

Остров между двумя рукавами реки. Километров десять квадратных.

– Пятнадцать квадратных километров, – уточнил президент.

– Все равно, смешно для экономической зоны. Для России смешно.

– Не скажите, вольны у нас разбрасываться квадратными километрами. Где вы познакомились с Николаем? – неожиданно изменил тему президент.

От этого, вроде бы простого вопроса президента я полностью растерялся. Что ему ответить? Мол, я знаю, где фактически работал в те годы Николай, но нас связывала чисто личная дружба? Что в никакой «разработке» органов я никогда не был, то есть не был ни осведомителем, ни тайным носителем их кэгэбэшных погон? Но, наверное, и сам президент прекрасно об этом осведомлен.

Я усмехнулся:

– Зачем вы спрашиваете? Наверняка сами все знаете, если...если я имею честь пребывать на борту президентского катера.

– Знаю, но хотел бы услышать ответ от вас.

– О том, как познакомились журналист и чекист? Так ведь тут в двух словах не расскажешь. Сразу потянутся и другие вопросы: как я поступил в ВПШ, как стал работать в облисполкоме? Сегодня иного «правдолюбца» послушаешь – словно он сам с Луны свалился в 1991 году, а вокруг него

в стране жили одни негодяи. Только в партии 20 миллионов негодяев, а сам он геройски выживал среди них, правда, тоже с партийным билетом в кармане.

Президент засмеялся:

– А вы и об этом расскажите. Минут десять у нас есть.

– Все очень банально. К тому времени я уже четыре года был редактором районной газеты и стал томиться этой работой. Новый район, работу я наладил, газета на хорошем счёту в области, но... Во-первых, сам я горожанин, житель большого города по менталитету, во-вторых, какой может быть творческий рост у редактора «районки»? В своём-то деле я главный в районе, дальше расти некуда. Стал просить первого секретаря райкома партии, чтобы он меня отпустил из района, а тот ни в какую. Смеётся, говорит: партбилет на стол, и катись на все четыре стороны. Стал снова настаивать, а он меня выводит из райкома на улицу, туда, где дома для главных специалистов строятся, и говорит: вот этот коттедж строится для меня, первого секретаря, этот для председателя райисполкома, этот для начальника управления сельского хозяйства. (Все они тогда ещё жили на съёмных квартирах, район-то новый). Говорит: какой тебе дом больше понравится, тот и занимай. Хочешь мой, хочешь предрика. Будешь жить припеваючи, но из района не отпущу, нечего тебе в городе делать. Может быть, он и прав был в чем-то...

– И вы поняли, что единственный способ улизнуть из района – поступить на учёбу в высшую партийную школу?

– Ну да. По направлению обкома партии. Тут уж и первый секретарь райкома бессилён возражать. Как говорится, против лома нет приёма, акромья другого лома.

– Дальше.

– А дальше все повторяется. Окончил ВПШ, по их номенклатурным раскладам надо вновь становиться редактором районной или городской газеты. И тут предложили работу в облисполкоме, инструктором. Тоже ведь их номенклатура. Я и согласился. Понимаю, что это не лучшим образом меня характеризует в глазах президента, но такова жизнь.

– Все мы через это прошли, – махнул рукой президент. – И дальше? Познакомились в исполкоме с Николаем, так?

– Мы работали там на схожих должностях. Только я действительно в облисполкоме, а он у нас только формально числился: помощником председателя по международным связям. А в действительности...

– ...работал в Комитете.

– Да, в КГБ.

– Мы познакомились на почве общей любви к поэзии. Он мне книжки редкие доставал: Гумилев, Ахматова, Мандельштам. Тогда уже перестройка шла, но эти книги все равно достать было трудно. У него связи были круче моих. А потом я ушёл работать в областную газету.

– Выходит, я его знаю значительно раньше вашего знакомства. – Сказал президент. – Мы вместе с ним учились в школе государственной безопасности. И сегодня он работает у

меня, в администрации. Он ваш хороший друг?

– Скорее, хороший приятель. С друзьями так не бывает, что десять лет не виделись. Но человек интересный, думающий. С таким в охотку можно провести неделю-другую на рыбалке. И надежный, как вся ваша братия. Извините, как-то неловко сказал.

– Ну, почему же, вполне лестно для спецслужб. Он вас тоже очень хорошо характеризует.

– Все понятно. Непонятно только одно – зачем я-то вам здесь понадобился? Рыбак из меня посредственный. И вообще, мало интересен для вас. Старый, в кадровый резерв не гожусь.

Президент рассмеялся:

– Для разового поручения вполне подходите. Начинаю загибать пальцы. Окончили университет и партшколу, это раз. Имеете опыт хозяйственной работы, это два. Хороший журналист и литератор вдобавок, это три. Не зашорены и не амбициозны, одно время руководили областной организацией КПРФ, но сами ушли и с партийных должностей и из партии.

Я возмутился:

– Извините, товарищ президент, но отношения с компартией – это мое личное дело. Я по-прежнему считаю себя коммунистом, хотя... Хотя для вас это, наверное, звучит смешно. Анахронизм, так сказать.

На этот раз президент не рассмеялся, напротив, он выглядел сумрачным.

– Вы забыли. Забыли, что мы оба когда-то состояли в одной партии. В КПСС. Если бы я был ярым антикоммунистом, то давно бы запретил партию Зюганова. Поверьте, нашёл бы легальные способы.

– Да кому она сегодня опасна? – хмыкнул я. – Партия парламентских соглашателей. Дедушек и бабушек, которые ностальгируют о времени СССР.

– Тем не менее, у КПрФ сегодня есть серьезная ниша в нашем обществе.

– Вот именно, ниша.

Президент минуту молчал. Потом сказал:

– Ладно, идите, а то стемнеет и придётся добираться в темноте. Единственное дело, о котором я вас прошу – вы должны составить мне подробную докладную записку обо всем увиденном на острове. Доклады вы писать умеете, но и эмоции не возбраняются. Записка должна быть в единственном числе, лично мне. Передадите через Николая. Его телефон у вас есть. Об ответственности за разглашение государственной тайны я не стану говорить. Пусть не будет формальностей. Вы, наверное, в своей жизни много раз давали подписки. И как офицер запаса, и как советский работник. Будем считать, что они в силе.

– А как быть с фофаном?

– Фофаном? Это вы о фанерной лодке, на которой приплыли? – удивился президент. – Согласно нашему с Николаем хитрому плану, вы её должны были купить в станице, от-

куда начали путешествие по реке. Не арендовать, а купить. Купили?

– Купил.

– Тогда мы возьмём ее на борт катера. Пригодится. Деньги вам потом вернет Николай. Да, – он спохватился – забыл там, на острове, вас будут кормить бесплатно, но на обратный проезд с острова домой у вас-то денег хватит, или мне вам подкинуть?

– Хватит, – ухмыльнулся я. – Вашими заботами, товарищ президент, не бедствуем. А вы мне так ничего и не скажете об особой зоне?

– Нет, ничего не скажу, чтобы не сложилось предубеждение. Сами увидите.

Он молча наблюдал с борта катера, как я укладываю в лодке вещи в свой рюкзак. Но напоследок все же задал вопрос, сильно меня удививший:

– Вы что-нибудь слышали об израильских кибуцах?

– Слышал. Кажется, теперь их осталось совсем немного и они вырождаются в обычные капиталистические предприятия. А что вас интересует?

– Ничего. Счастливого пути и творческих успехов в составлении докладной записки. Скажите Варваре Петровне, что это я вас послал, и передайте ей спасибо за пирожки. Её найти легко. Как придете в поселок – первый дом слева.

2

Я бодро зашагал в посёлок. Через двести метров поле закончилось, и я попал в великолепный сосновый бор. Таких естественных хвойных лесов в наших степных краях не бывает, значит, бор насадили искусственно. Но уже очень давно – полвека назад, а то и больше, судя по высоте деревьев. На первой же встреченной мною сосне был прикреплён щит: «Запретная зона. Проход запрещён. Объект министерства обороны». Выше висел большой, круглый и жёлтый знак радиоактивности, который, как известно, действует на наших сограждан лучше, чем письменные запреты.

Но никакой будки по соседству со стражей я не заметил, поэтому пошел по лесной тропе дальше, продолжая в душе возмущаться коварством своего давнего приятеля и сослуживца по исполкому.

Верно в народе говорят – в «конторе» все работают до гробовой доски. Там пенсионеров не бывает. Как же ловко Николай меня провел! Когда три недели назад раздался звонок, и я понял, что это мой давний приятель, то действительно обрадовался, так как не виделся с ним уже лет десять. Мне всегда нравилось общение с мужиками из «конторы» – эдакая смесь изысканной вежливости, знаний и незримой силы. К тому же, с Николаем у нас были общие литературные пристрастия. И ещё – видимо, моё добродушное отно-

шение к КГБ возникло в силу того, что мне никогда не доводилось попадать под его молохи, кроме одного-единственного случая. Это произошло еще в студенческие годы. Тогда, на первом курсе университета, мы пошли на творческий вечер двух диссидентствующих московских литераторов, а после напросились к ним в гостиницу, в гости. Этот визит закончился тем, что нас, пятерых студентов, на другой день пригласили в КГБ и там, долго и очень вежливо объясняли, что поведение литераторов, безусловно очень талантливых людей, вызвано их проблемами сугубо личного характера. И мы... охотно в это поверили. Страшновато было не поверить...

Но теперь-то какой был прок в этой дурацкой маскировке: спрятать под поездку на рыбалку поручение президента написать банальную докладную записку, которых я действительно написал в своей жизни десятки. Я и так бы сделал все, что ему нужно. Дело не в отношении к нему, как к человеку, а в его должности. Президент же, а не управдом. И, честно говоря, очень лестно, что президенту подсказали фамилию всеми забытого пенсионера. Однако, что там, на острове, может быть такого сверх неординарного? Контакт с инопланетянами? Но я-то, со своими знаниями, чем могу в этом быть полезен?

Неожиданно я встал, как вкопанный, на лесной дорожке. Метрах в двадцати справа от меня стрелой пронеслось семейство косуль. Однако остановился я вовсе не из-за этих

грациозных животных. И стал думать.

Что меня удивило или насторожило в поведении президента? Почему он мне показался не таким, каким я его привык видеть на экране телевизора? В чем было это отличие? Почему его выбор «эксперта особой зоны» вдруг фантастическим образом выпал на меня? С чем связана его осведомленность о моём давно забытом опыте руководства областной организацией коммунистов? И, наконец, причём здесь богом забытые израильские кибуцы?

Я начал вспоминать, каким образом попал на остров. Предложение Николая организовать совместно большую рыбалку я воспринял «на ура», но поездка пару раз переносилась им самим под разными предлогами. Как теперь стало понятно, «окно» для поездки выбирал не он, а президент. И только вчера было уговорено, что мы встретимся на следующий день прямо на реке. Я должен был взять билет на утренний теплоход, в полдень добраться до станицы, купить у рыбаков лодку и сплавиться на ней по реке на десять километров вниз по течению. Лодка, по замыслу Николая, нужна была для того, чтобы рыбалка получилась полноценной. Не с берега ловить мелочь на большой русской реке, а «китов» возле фарватера. Кроме того, на ней же мы были должны после окончания рыбалки спуститься вниз по реке до следующей пристани и там продать ее за полцены или просто подарить какому-то рыбаку. Самого же Николая доставят на место рыбалки знакомые рыбаки на моторке.

Столь мудреный план вызвал у меня возражения, но Николай категорически сказал, что нужно поступать именно так, а не иначе. Мол, у меня, пенсионера, свободного времени куры не клюют, а он на ответственной работе и с трудом выцарапал у начальства недельный отпуск. Не исключено, что сам он может задержаться. Но я должен быть на месте вовремя в любом случае. Обязательно. И стоимость лодки он мне вернет. Я догадывался, что Николай возвращается в каких-то высших сферах государства, поэтому, вздохнув, пообещал, что выполню его план в точности.

...В голове роились мысли. Я ускорил шаг. А потом снова остановился. Вот, наверное, в чем дело! Очевидно, президент сам не знает, как относиться к тому, что он увидел на острове. (А он, судя по всему, провёл там весь сегодняшний день). Поэтому всячески избегает каких-либо оценок и боится огласки этой поездки. Поэтому и выбрал человека, который вне системы, но который может достаточно компетентно разобраться с тем, что он сам увидел, согласиться или опровергнуть его оценки, о которых я не знаю. Поэтому и был придуман замысловатый план с лодкой, чтобы никто не мог заподозрить связь между ним и его «экспертом». Ведь с катера меня, по сути, почти мгновенно выставили. Даже перекусить не предложили.

Пришла в голову фантастическая мысль: а, может быть, меня потом по-тихому «уберут» после этой загадочной поездки и написания отчёта президенту? Ну, утонул на рыбал-

ке одинокий пенсионер, только и всего. Кто догадается, что ему помогли утонуть? Но такая мысль слишком уж отдавала дешевым романом. Я был противником любых конспирологических теорий и в жизни всегда руководствовался принципом «бритвы Оккама»: не нужно умножать сущности сверх необходимого.

Хочется надеяться, что президент у нас именно тот человек, за кого себя выдаёт. Может позволить себе солёную шутку, а может и спонтанно поцеловать в голый пупок мальчика в татарском селе.

Что там, на острове, находится, чёрт побери?! Израильский кибуц? Однако это просто смешно! Скорее можно поверить в инопланетян.

3

Но знакомство с островом началось совсем не так, как я ожидал. Лесная тропа вдруг превратилась в асфальтовую дорожку, ведущую к двухэтажному дому, стоящему за высоким забором. Дом находился слева от дороги, как и предупреждал президент, метрах в пятидесяти от других домов, видневшихся впереди. Я подошёл к нему, увидел на воротах табличку «Дом приезжих» и нажал кнопку рядом. Щелкнул автоматический замок, и я толкнул входную дверь в ворота. Внутри дом ничем не отличался от обычной сельской гостиницы. Разве что его хозяйка, кивнувшая мне на стул рядом с конторкой, не вязала носки – обычное занятие для подобных дам, а орудовала шваброй, моя пол в холле. «Видимо, она тут одна во всех лицах – и директор, и кастелянша, и уборщица» – решил я.

– Вы – Варвара Петровна?

– Да, милый, подожди пару минут, полы домою.

– Один человек вам велел спасибо передать за пирожки.

Она зарделась от удовольствия, но не показала вида, что общение с президентом для неё событие.

– Вот чудак человек, пирожки взял, а от борща отказался. Мой борщ, а не из столовой. Все на лету. А я бы ему и рюмку налила, из конфискованного.

– Как это «из конфискованного»?

– Ну, у командированных офицеров, что здесь временно живут, отнятого. Мне командир части велел их запасы спиртного уполовинить. А то стыдно бывает перед людьми, когда командированные по поселку выпивши шатаются, к девушкам пристают.

Это была уже какая-никакая информация. Я осторожно спросил:

– А что – в посёлке сухой закон?

– Ну почему же «сухой»? У нас и виноградник свой есть, несколько марок вина сами делаем. На ужин всяк желающий может себе бокал вина налить, а в выходной день и два. С алкашами, правда, боремся смертельно. Два общественных порицания и все, «жёлтый билет» обеспечен, собирай вещички.

– Выгонят? А у вас здесь что, Варвара Петровна – кибуц, что ли?

Она вспыхнула:

– Ты, мил человек, при мне не матерись. Ты не гляди, что я тут со шваброй управляюсь. Если хочешь знать, то я – кандидат сельскохозяйственных наук и бардака здесь не допущу.

Я смутился:

– Варвара Петровна, но позвольте: а что я такого сказал неприличного? Я только спросил: уж не кибуц ли здесь на острове находится? Кибуц – это форма израильского кооператива, лучше сказать, коммуны. Уж не коммуна ли на ост-

рове? Президент мне ничего не стал объяснять. Сказал – сам увидишь.

Варвара Петровна ошалело посмотрела на меня, а потом стала... хохотать. Хохотала долго, до слез. Затем утерла лицо платком и застенчиво посмотрела на меня:

– Ты уж извини меня, старую. Совсем отшибло память. Распустила здесь павлиний хвост, мол, кандидат наук, а простое слово забыла, хотя раньше его слышала. Но, согласись, твой «кибуц» по-русски звучит как-то... не очень прилично. Что-то матерное на язык просится.

Мы оба стали хохотать. Отсмеявшись, я спросил:

– Так здесь коммуна?

– Да, милый. Русская коммуна, – ответила Варвара Петровна, как мне показалось, с каким-то вызовом в голосе.

Загадочное поведение президента и его странный выбор «эксперта» сразу нашли простое объяснение. Похоже, глава капиталистической России, стремясь не привлечь внимания своего окружения из числа «демократов», решил получить независимую оценку жизнеспособности некапиталистического анклава на русской земле. И эту оценку предстоит сделать мне.

Но как появился этот анклав? Я задал этот вопрос Варваре Петровне.

– Потом, потом, сначала накормлю тебя с дороги. Если, конечно, не сыт после президентских разносолов.

– Я был на борту его катера только полчаса. Поесть не

предлагали.

– А как туда попал?

– Приплыл на весельной лодки из верхней станицы. Но это страшная тайна, – для наглядности я вытаращил глаза и поворачал зрачками.

– Ну да, как в сказке про Буратино, – снова засмеялась Варвара Петровна.

Почему-то я был уверен, что от такой женщины не может быть никаких тайн ни у меня, ни у президента.

Ей, наверное, было уже далеко за пятьдесят. Но как многие деревенские женщины, не слишком обремененные физическим трудом (все же кандидат сельхознаук в прошлом), она выглядела лучше большинства городских дам на 10–15 лет моложе. Не слишком красивой в такие-то годы, но по-прежнему сексуально привлекательной. Тяжёлая грудь, рождающий всякие фривольные мысли зад. Живёт на природе, почти в сосновом бору, и быть хозяйкой крошечной гостиницы ей в охотку.

Варвара Петровна про свои прелести прекрасно знала. Потому что откровенно вертела задом возле газовой плиты в комнате, являвшейся в гостинице одновременно и столовой, и кухней. Я столь же откровенно её разглядывал.

– Что, нравится? – спросила она.

– Ваш борщ? – смутился я. – Я ещё не начал его есть, Варвара Петровна. Но запах чудесный.

– Какой борщ, милый? Борщ само собой. Ещё бы посмел

сказать, что борщ тебе не понравился. А попа моя нравится?

Я выдохнул:

– Нравится, Варвара Петровна.

– Так и думала. Ну, тогда, значит, сегодня с ней и познакомишься.

Сказала, и словно в кипяток меня окунула.

Я растерянно забормотал:

– Что вы, Варвара Петровна. Мы ещё и не знаем друг друга толком.

– А мне тебя президент пообещал.

– Кто?!

– Президент. Когда он был у меня в гостинице, то стал расспрашивать: мол, как живешь, Варвара, замужем ли. Ну, я сдуру и пожаловалась, мол, разведенка, и где теперь кавалера искать, если в посёлке одна молодежь. А перед самым твоим приходом вдруг – звонок. Поднимаю трубку: батюшки, снова президент! Говорит, так и так, идёт к тебе человек от меня, человек хороший, книжки пишет и холостяк, в разводе. Ты с ним, мол, поласковее. Что, неужели соврал?

– Ничего он не врал, Варвара Петровна. Я на самом деле холостяк. Только вот...

– Что?!

– Никогда бы не подумал, что президент ещё на такое способен. Сводничать.

Мы уже в третий раз за полчаса стали хохотать. Чёрт побери, а как президент мог предположить, что эта женщина

начнёт меня мучительно притягивать к себе с первой же минуты нашей встречи? И что я ей тоже понравлюсь? Наверное, у них, президентов, есть какие-то связи с астральным миром.

То, что эта женщина без всякого смущения предложила себя в любовницы или жены, меня ничуть не оттолкнуло от неё. И дело было вовсе не в том, что я соскучился по женской ласке или находился под каким-то магическим воздействием общения с президентом. Глупости это. Президент, скорее всего, тут вообще ни причём. Но почему-то на острове я сразу почувствовал, что в моей жизни наступил коренной перелом. И хотя абсолютно ничего не знал о том, что увижу завтра, это ближайшее будущее мне представлялось лучезарно солнечным и будоражило. Наверное, моё возбужденное состояние сразу передалось и Варваре Петровне. Конечно, выглядит смешно, если женщина в возрасте мечтает об алых парусах и капитане Грее, но именно таким я и предстал перед ней, несмотря на свои шестьдесят пять лет и абсолютную несхожесть с молодым красавцем Лановым в фильме. Что поделать, любовь человеку нужна всегда.

Ещё через час я уже твёрдо знал, что, с лёгкой руки президента, нечаянно нашёл на острове своё семейное счастье и ни за какие коврижки меня никто в ближайшие полгода, после написания докладной записки, с острова не выманит, а если и выманит, то вместе с Варварой, Варечкой, как я её уже стал называть. Оказалось, что для этого даже не требует-

ся вступать в местную коммуны. Гостиница состояла на балансе воинской части, Варваре нужен был помощник, и я бы с охотой выполнял обязанности садовника и огородника при гостинице. Постояльцев в ней было всегда немного, не более пяти человек, а готовка на кухне определялась лишь желанием хозяйки – всегда можно было принести все необходимое из коммуны – как продукты, так и готовые блюда. Между небольшой воинской частью и коммуной существовал странный симбиоз. Обе стороны нуждались друг в друге.

4

Я проснулся ещё затемно, наверное, около четырёх часов утра. Варвара мирно посапывала у меня на плече. Из соснового бора раздавались какие-то странные предрассветные шумы. То ухала сова, то трещала сорока, то долбил дерево дятел. После двух рюмок «конфискованной» водки очень хотелось выйти из дома и покурить на крылечке, но я боялся, что её разбуду, если встану. И стал вспоминать о событиях вчерашнего бурного дня. Мне казалось, что я забыл о чем-то важном, случившемся уже давно. О чем же? Я измучил себя воспоминаниями, но стариковская память (а кто же я еще, как ни старик, в мои 65 лет, хотя и нечаянный...молодожён со вчерашнего дня?) отказывалась работать. Наконец, я не выдержал и выбрался из-под пухового одеяла Вариной кровати. Она, к счастью, не проснулась. И на крыльце, закурив, сразу вспомнил.

Батюшки мои, так вот почему именно меня выбрал президент! Безусловно, в досье, которое подготовили на мою персону президенту, лежала и эта давнишняя статья. Не случайно же в советское время шутники иногда расшифровывали КГБ так: Контора Глубокого Бурения. Нашли статью двадцатипятилетней давности! И президент её читал, хоть ни словом не обмолвился об этом...

Я её опубликовал в «Советской России» на самом финише

чертовой горбачевской перестройки, закончившейся крахом страны. В статье шла речь об истории коммун в СССР. Их были сотни, тысячи по всей стране после революции. Коммуны самые разные. От самых маленьких, объединявших две-три семьи на каком-нибудь крохотном хуторе, до гигантских, потом выросших до крупнейших аграрных предприятий страны и даже заводов. (Достаточно вспомнить коммуну Макаренко, превратившуюся из колонии для молодых правонарушителей в завод, выпускавший знаменитый «ФЭД» – лучший фотоаппарат Союза).

Судьба русских коммун удивительна. Многие из них прошли через страшные лишения и голод, когда, впрягшись в соху, на себе пахали поля, делили три картофелины на всю коммуну, держали скот в той же избе, где спали сами. И выстояли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.